

НЕЖИТЬ.

Вотъ пришелъ Ярецъ¹⁾ съ ясными днями, поднялъ и слилъ яроводье²⁾. Лиши дожди и пролились. Канули сиверы.

Съ теплымъ вѣтромъ изъ-за теплого моря комары прилетѣли.

И текутъ безуѣмно гульливыя рѣки.

Гуляй, поколь воля!

Выгнана вербой въ поле скотина. Засѣяна черная пашня. А въ полѣ и въ лѣсу днемъ и ночью заливаются—свищутъ пѣвчія птицы; перелетныя, не обошли, не забыли наши края.

Русь—сторона родимая. Жить—она веселая.

Падаютъ бѣлой зарей большія Егорьевы росы.

Рано солнце играетъ.

Соловинные дни.

Все оживаетъ, все пробудилось. Прогремѣлъ первый громъ и земля очнулась.

Выглянули мѣвки³⁾ съ красныхъ горъ и буяновъ⁴⁾,—стало не въ мочь въ зимнихъ могилахъ.

Тихо вѣютъ горніе вѣтры. Жарко на солнцѣ.

Встала чуя-змѣя, вывивается, чуетъ снѣдь.

¹⁾ Ярецъ—название Мая.

²⁾ Яроводье—сильный разливъ весеннихъ водъ.

³⁾ Мѣвки—горные русалки, живутъ на вершинахъ. Мѣвки—маны (manes)—души умершихъ.

⁴⁾ Буянъ—холмъ, гора.

Вылѣзъ изъ-подъ конёвой головы неприкаянный Нежитъ, навстрѣчу идетъ.

Гуляй, поколь воля!

Торна, бойка дорога.

Вотъ обогнуль и бредеть—колыбаются сивыя космы—толчетъ грязи по мху и болоту, хлебнуль болотной водицы, поле идетъ, другое идетъ...—неприкаянный Нежитъ, безъ души, безъ обличья.

То медвѣдемъ переступить, то утишится тише скотины, то перекинется въ кустъ, то огнемъ прожигаетъ, то какъ стариkъ сухоногий—берегись!—исказнитъ: будетъ по жилочкѣ каждыя сутки выдергивать, то разудалымъ мальцомъ и опять, какъ доска, пугало-пугаломъ.

Доли не чаять и не терять—Нежитова доля.

Далѣеть день. Вечерѣеть.

Въ теплыхъ гнѣздахъ ладятъ укладываться на ночь.

Ночь обымаетъ.

Ночь загорѣлась.

Затянули на буйвицахъ¹⁾ устяжныя пѣсни.

Вѣеть съ жальниковъ²⁾ медомъ и сыченой брагой.

Легкая лодка скользнула въ ракитникъ. Раздвинула кустъ Волосатка³⁾, пустилась по полю ко двору—къ Домовому.

¹⁾ Буйвище—кладбище.

²⁾ Жальники—общія могилы.

³⁾ Волосатка—домовина.

То любо тѣшиться!
 Въ ночинѣ кони въ полѣ кочуютъ, зоблють.
 Сѣлъ Нежитъ въ мягкую траву, закатиль болотныя пялки
 и загукаль ¹⁾ Весну.
 А на позовъ изъ бора отукаетъ Дивъ.
 То любо тѣшиться!
 Подливаетъ вода—колыхливая рѣчка подъ наши ворота.
 Разъярѣнилась пѣсня.
 Чу!—умолкаетъ.
 Тамъ встали въ кругъ, изогнулись, трогаютъ землю—
 пусть провѣщаетъ Судина! — и волшанскіе жеребья ²⁾ ки-
 нуты.
 Слышишь ярое сердце, похолодѣло... рѣзвый жеребей ³⁾
 выпалъ... и очи погубились...
 Яромъ встали туманы, поникаетъ потокъ. Пѣтуха не до-
 будишися.
 Дубъ развертываетъ свѣжіе листья.
 Матерь-земля родить буйную зель ⁴⁾.

БѣЛУНЪ.

Заковали злому Вѣтру колючія губы, не велѣли дуть, и
 Морозъ-Трескунъ, засыпанный снѣгомъ, сѣлъ отдыхать въ
 холодномъ царствѣ на полночи.

Пришло теплое лѣто. Забыто ненастье.

Медвѣдь-пыхтунъ зашатался по лѣсу, а кузнецiku—воля,
 стрекочи хоть всю ночь.

Пошли люди съ косами съ острыми. Поспѣлъ сѣнокось.
 И куда ни заглянешь, все словно бы вновѣ—такое неви-
 данное: къ каждому цвѣтку наклоняешься, тронулъ бы вся-
 кую травку.

Хороша погода, украслива.

И такой просторъ, взялъ бы тутъ и остался.

Гей! подлѣ ржи проходитъ Бѣлунъ. Какой бѣлый, въ бѣ-
 лой рубахѣ, и отъ солнца не застится: оно ему любо. Дол-
 жно быть, изъ лѣса: безъ него, говорятъ, темно въ лѣсѣ.

¹⁾ Гукаль — кликать, звать, закликать.

²⁾ Волшанскіе жеребья — волшебные. Волшанскіе — волжаные—
 волженые. Ср. Волшанъ, Волотъ—волхвъ. Волотъ Волотовичъ—вѣцій собе-
 сѣдникъ премудраго царя Давыда Евсеевича въ „Стихѣ Іерусалимскомъ“ и
 въ „Книгѣ голубиной“.

³⁾ Рѣзвой жеребѣй — рѣшительный.

⁴⁾ Зель — молодая озимь до колошенья.

Всякому, кто заблудился, только спроси, и дорогу пока-
 жетъ.

— Дѣдушка, на сѣнокось?

Не слышитъ. Гдѣ тутъ услышать. Вотъ ступилъ на межу...

— Дѣдушка!

— Что тебѣ, рѣдный?—дѣдъ улыбнулся: и ему хорошо.

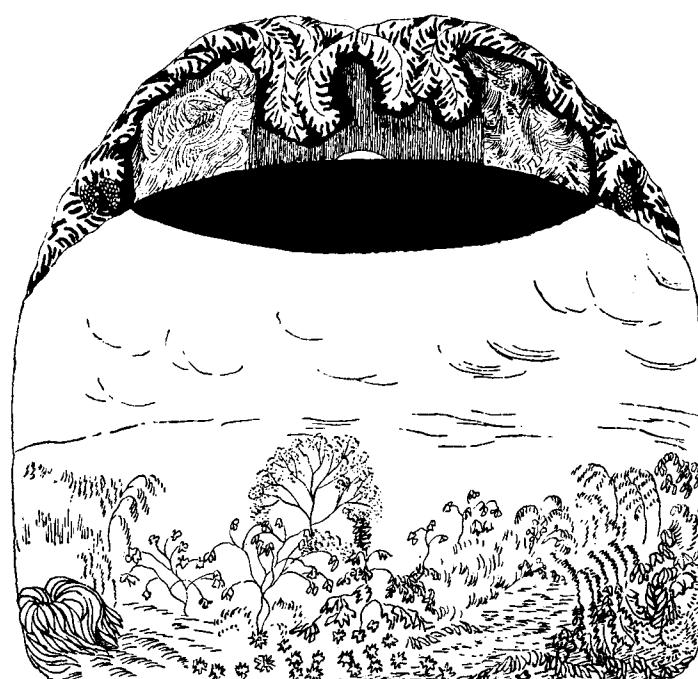
И идетъ по межѣ, идетъ лѣтней дорогой, ударяетъ клю-
 кою; вспоминаетъ ли старый сѣдое бусово время или далось
 на раздуму другое...

Лязгъ косы звонче.

Стрекочетъ кузнецикъ.

Такъ до бѣлага мѣсяца лязгъ косы звонокъ.

Ходить по свѣту Бѣлунъ.

ХОВАЛА ¹⁾.

Наволокло,—небо нахмурилось.

Подымалась гроза, становилась изъ краю въ край, заки-
 пала облакомъ...

Поднялись гарцуки ²⁾, полетѣли съ горъ, нагнали вѣтеръ
 и вихрь.

Вѣты воютъ.

¹⁾ Ховала — отъ слова ховать — прятать, хоронить. Ховалы — зарницы
 (Курская губернія).

²⁾ Гарцуки — духи, производящіе вѣтеръ (Бѣлоруссія).

И гремучая туча угрюмо стороной прошла.
Не припустило дождемъ, — осталась земля-хлѣбородница
не умытая, не напоена.
Не переможешь жары, некуда спрятаться.
И ходило солнце по залѣсью, сушило въ саду шумливую
яблонь, а въ полѣ цвѣты, и такое же жаркое сѣло.
Угрѣвный день смѣнился душной ночью.
По топучимъ болотамъ зажглись свѣтляки, а на небѣ
звѣзда красная—одна—вечерняя звѣзда.
Поднялся Ховала изъ теплой риги, поднялъ тяжелыя вѣки
и, ныряя въ тяжелыхъ склоненныхъ колосьяхъ, засвѣтилъ
свои двѣнадцать каменныхъ глазъ и полыхаль.
И полыхаль, раскаляя душное небо.
Чаялось, тамъ—пожаръ, тамъ разломится небо на части,
и покончится бѣлый свѣтъ.
Пустить бы голосъ черезъ темный лѣсъ,—не заслушатъ
и нѣтъ такого голоса.
И куда-то скрылся Индрикъ звѣрь, Индрикъ звѣрь—мать

звѣрямъ — землю забылъ. А когда-то любилъ ее: какъ въ
засуху мѣрли отъ жажды, онъ копалъ рогомъ коляную зе-
млю, и выкопалъ ключи и досталъ воды, пустилъ по рѣкамъ
и озерамъ.

Или пришло время послѣднее: хочетъ Звѣрь повернуться.
И куда-то улетѣла Страфиль птица, Страфиль птица—
мать птицамъ—свѣтъ забыла. А когда-то любила его: какъ
нашла сила грозная, содрогнулся міръ, и она побѣдила ее,
взяла свой свѣтъ подъ правое крыло.

Или пришло время послѣднее: хочетъ Птица встрепенуться.
И куда-то нырнулъ Китъ рыба, Китъ рыба — мать ры-
бамъ — покинулъ землю. А когда-то любилъ ее: какъ стро-
или землю, онъ легъ въ ея основаніе и содержитъ все на
своихъ плечахъ.

Или пришло время послѣднее: хочетъ Рыба сворохнуться.
Грозятъ страшныя очи, ныряетъ Ховала—съ пути его не
вортинь...

И омлѣла на небѣ звѣзда вечерняя.

А. Ремизовъ.

